

Антропологическая революция: горизонты открытого образования

Статья посвящена новым возможностям изменений в образовании и гуманитарном ландшафте России в целом, связанным с перспективами развития форм открытого образования, ориентированных на формирование новых антропологических характеристик. Статья представляет собой стенограмму беседы, состоявшейся во время образовательной сессии «Тренинг профессиональных прорывов».

Беседовали: Александр Анатольевич Попов, кандидат философских наук, руководитель Открытого корпоративного университета и автор образовательной программы «Школа Гуманитарного Образования», и Семён Вячеславович Ермаков, кандидат философских наук, один из разработчиков образовательного проекта «НюоГен» и связанной с ним технологии «решения задач про «возможные миры»», а также — один из авторов образовательных проектов и программ, ставших следствием «НюоГена», прежде всего — проекта «Школы развития»; учредитель молодёжной общественной организации «Сибирский Дом». Оба собеседника достаточно давно реализуют не только авторские образовательные программы, но и программы развития образовательных систем, а также размышляют о философских и антропологических принципах и императивах тех изменений, которые происходят сейчас в системе образования.

Вопросы задавал Михаил Аверков, аспирант Сибирского федерального университета, разработчик и руководитель образовательной программы «Школа кино и театра «Алые крылья»», в настоящее время — директор общественной организации «Сибирский Дом».

А. А. Попов: Прежде всего, возникает ощущение, что система оценки, система результативности, гуманитарности, успешности, которая складывается в Российском обществе, не то что бы убога, но состоит из большого количества заимствованных и слабо соотнесённых между собой элементов. Это касается не только системы образования и педагогики, но и во многом касается самих жизненных ориентиров, стремлений. Совершенно непонятно, откуда берется энергетика продуктивного действия, пока мы не отвечаем на вопросы о результатах человеческой жизни и ее смысле.

Для того чтобы сделать разговор о смысле человеческой жизни несколько более предметным, чем это бывает обычно, можно ввести такое несколько метафоричное понятие, как *антропологическая революция*. Когда мы говорим про антропологическую революцию, мы говорим про изменение нескольких типов норм.

Первое изменение нормы — это появление целостного отношения к человеческой жизнедеятельности. Второе — изменение процедур работы с человеком, антропотехник. Третье — изменение шкалы результативности действий человека (главным образом, изменение шкалы результативности в образовании). То есть должны быть введены принципиально другие ориентиры оценки, другие шкалы оценки; мерить надо другое.

С. В. Ермаков: Я бы добавил, что должны быть хоть какие-то шкалы оценки реальности, потому что, когда система оценивает сама себя по собственным критериям, даже не произвольным, но вторичным и техническим, возникает опасность потери реальной продуктивности, реальных достижений.

М. Аверков: Дальше встает несколько вопросов. Вопрос первый: имеются ли прецеденты людей продуктивных и в этом смысле «нормально себя чувствующих» в какой бы то ни было культурной ситуации нашего времени? Продуктивность в современном мире вообще сейчас есть или её нет? Второй вопрос: откуда вообще в принципе *может браться* система оценивания? Может ли она быть заново спроектирована, и если да, то кто может быть обозначен как субъект такого проектирования?

С. В. Ермаков: Прежде всего, надо обсуждать объект оценивания. Когда я говорю, что нужны системы, которые хоть как-то оценивают какую-нибудь реальность, возникает и вопрос, что это за реальность. И я понимаю, что, например, система оценивания эффективности бизнеса через измерение оборота и прибыли в свое время придумана для торгово-посреднического капитала; там она эффективна. Но когда её пытаются перенести на гуманитарные практики, особенно в сфере социальной или культурной политики, начинаются чудеса, когда деятельность учреждений культуры измеряют количеством потраченных денег, поделенным на количество посетителей; то же самое предлагается для молодежной политики. В торговле такой способ приемлем: магазин должен прибыль приносить, это всем понятно. А вот что за объект в образовании, в культурной политике, я уж не говорю про удивительный кластер молодежной политики?..

М. Аверков: Исходя из контекста беседы, стоит уточнить, что все же речь идет про личную результативность человека или человеческого сообщества.

А. А. Попов: Да, что касается всякого рода частных, должны появиться уже не просто показатели, статистики, простые отношения, должны появиться индексы, сложные формулы, которые несут на себе некоторое относительное число, относительно которых можно оценивать некоторый интегральный результат. Такие индексы всегда характеризуют определенную политику на территории. Но для этого на

территории должна быть внятная политика (образовательная, культурная, молодежная политика), политика, задающая ценности, относительно которых вообще возможно что-либо оценивать.

Но я бы согласился с Михаилом, потому что наш разговор, скорее, про антропологическое оценивание (которое происходит, во многом через систему оценивания себя человеком или сообществом). А здесь интегральные оценки и статистики теряют смысл, нужны другие инструменты, индивидуализированные. В этом отношении интересна ситуация молодых людей в возрасте от 15 до 20 лет, которые ходят на мероприятия, проводимом нами. Мы видим, что они не имеют «стройной» системы оценки самих себя. Даже слово оценка здесь не совсем правильное, не имеют «зеркал» (если говорить языком Б. Д. Элькониной¹), не имеют планов восприятия собственного действия.

С.В. Ермаков: Не имеют системы координат, не установлены. Не только как философу, но и как практику мне очень нравится размышление Мамардашвили о том, что сознание должно быть установлено по отношению к реальности и если не установлено, оно где-то есть, но есть неизвестно где.² Если то же самое иллюстрировать эмпирически, выглядит это так. Я смотрю на этих молодых людей. Они хорошие люди, в том смысле, что субъективно искренние, неглупые, амбициозные, но в меру. Они субъективно желают добра не только себе. Но они настолько вне контекста, вне координат и вне каких-либо установок, что любая хитрая манипуляция лишает их возможности действовать хоть сколько-нибудь продуктивно. Вот как это произошло с многими представителями поколения чуть помладше нашего. Мы как-то «проскочили», а те, кто заканчивали школу где-то в конце 80-х — начале 90-х, почти все попали в поле сильной манипуляции с соответствующими антропологическими эффектами. Нам же, действующим сейчас и имеющим определённые цели по отношению к современному юношеству, в каком-то смысле повезло, что сейчас никто на этом поле целенаправленной антропологической политики не производит, а есть «ошмётки» разных политик, которые, конкурируя между собой, создают эффект, называемый в физике эффектом интерференции. Но от этой же интерференции и полная «чистота» в плане координат и контекстов.

А.А. Попов: Обычно говорят, что поколения после нас всегда хуже. Я так не считаю, но я согласен, что с людьми, которые младше нас на 3-5 лет, разговаривать становится все сложнее и сложнее. Мне, кстати, было проще работать, когда руководители были из более старшего поколения. Раньше я думал, что эта легкость была из-за того, что они старше, опытнее, но сейчас понимаю, что это не так. Потому что поколения, которые пошли после нас, они не то, что без ценностей, у них нет ценности ценностей, или я бы сказал нет ценности центростремительного притяжения. И дело здесь, по-моему, не в постмодернизме, — постмодернизм для меня есть наличие нескольких «тяжей» или «центростремительных ускорений», так или иначе. И я не хочу сейчас в эту тему углубляться, хотя в моей практике существует несколько типажей, с которыми разговор про ценности, про такой тип самоопределения и такой тип оснований для выстраивания стратегий, вообще закрыт. А если возвращаться опять к антропологической тематике, то при условии, что мы говорим про антропологическую революцию, мы должны признать несколько вещей:

1. Общественный момент. У нас сегодня нет такого монолита, каким был так называемый советский народ, а соответственно у нас нет однородной структуры общества, как бы это банально не звучало. А раз у нас нет однородной структуры общества, надо понимать, что такие системы трансляции как воспитание, образование, передача опыта вообще, должны принципиальным образом измениться, чтобы учесть при своём функционировании эту неоднородность.

2. Социально-экономический момент. Мы входим в новый тип организации деятельности, основанный на капитализации разных типов собственности. Я бы обозначил его проще: мы входим в новый тип экономической формации, и в связи с этим ряд ментальных установок должен подвергнуться принципиальным изменениям.

3. Мы вошли в так называемое безрелигиозное общество. Про это начал писать еще Фридрих Ницше,³ хорошо писали Эрих Фромм,⁴ Мишель Фуко.⁵ Теперь же религиозная тема звучит уже не по отношению к Богу, мы вновь сталкиваемся с проблемой институционализации менталитета и ценностей.

С.В. Ермаков: На мой взгляд, это может быть сформулировано как проблема институционализации трансцендентного. Я сейчас даже не про религиозные институты. Но даже в Европе «поле христи-

¹ См., например: Эльконин Б. Д. Введение в психологию развития. М.: 1994.

² См., например: Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеал рациональности. М.: 1994; Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М., 1997.

³ Ницше Ф. Антихрист. // Сумерки богов. — М.: Издательство политической литературы, 1989.

⁴ Фромм Э. Бегство от свободы. — М.: АСТ, 2003; Фромм Э. Психоанализ и религия. // Сумерки богов. — М.: Издательство политической литературы, 1989.

⁵ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук, М., "Прогресс", 1977; 2-е изд., СПб., "Acad", 1994.; L'Anthropologie de Kant (дополнительная диссертация в 2-х томах; 2-й том опубликован в 1964 г. издательством Vrin; 1-й том хранится в библиотеке Сорбонны); t.I: Introduction, 128 p.; t.II: Traduction et notes, 347 p.

анства», в Европе эпохи позитивизма (эпохи Маркса, эпохи первой научной революции) трансцендентное чётко фиксировалось на уровне нормы научного мышления. Маркс, например, мог объявлять себя научным атеистом, но он точно знал, что есть научная рациональность, которая никогда не подвергается сомнениям и должна транслироваться как можно более широко.⁶ Ницше, говоря о «смерти Бога», точно так же знал, при всех его эмоциональных метаниях, что есть научная рациональность и без нее никуда. Сейчас это где-то похоронено, даже ученые не знают, что есть научная рациональность. Единственной безусловной шкалой остаются деньги, но деньги — они вот здесь... То есть мы живём в потрясающем обществе, где базовая шкала ценностей абсолютно имманентна.

А.А. Попов: Да, и еще два момента.

4. Момент связан с тем, что мы имеем сегодня огромные эффекты свободы и в этом смысле огромные эффекты индивидуального начала (и не боюсь поднять тему креативного менеджмента и разных «бизнесов в стиле фанк»)⁷.

5. Момент связан с тем, что «интеллект» выходит на новый тип отношений с властью (здесь можно еще раз вспомнить Фуко).⁸ Здесь как интеллект приобретает новые функции и полномочия, так и власть пытается приобрести новые функции, полномочия и значения.

С.В. Ермаков: Я бы добавил еще один момент. С тех пор, как Ленин еще в начале XX века и потом в конце гражданской войны писал про многоукладность России,⁹ и что по причине этого делать любые серьезные экономические проекты здесь очень трудно, мы и до сих пор живем в многоукладной стране, где я могу с ноутбуком сидеть на пенке и этот пенек будет нормальной деталью ландшафта...

А.А. Попов: Да, и при этом ты еще будешь ловить Интернет на этом пенке...

С.В. Ермаков: А мой сосед в это время будет кипятить чай кипятильником...

А.А. Попов: Я бы эту тему пошире взял, не то что бы по отношению к России, а по отношению к региональной дифференциации...

С.В. Ермаков: Усугубляемой ещё и социальной дифференциацией... Иван Иллич¹⁰ писал тоже самое применительно к Латинской Америке, когда с одной стороны остаются индейские поселения в джунглях, а между столицами проложена суперсовременная трасса американского образца, на которых местная элита катается в дорогих американских автомобилях.

М. Аверков: Я могу на эту тему привезти еще несколько зарисовок. В частности, один мой друг рассказывал, что для современной Монголии не редкость, когда по степи верхом на верблюде едет монгол и по сотовому телефону говорит со своим сыном, работающим программистом в Сеуле, Токио или Сан-Франциско. Не говоря уже про реальность для некоторых молодежно-образовательных учреждений Красноярска, которые работают на ноутбуках при свечах, поскольку за долги отключена электроэнергия.

С.В. Ермаков: Для России эта многоукладность усугубляется тем, что, например, выпускник школы, выросший в некоторых из укладов, при желании как-то поменять свой социальный статус просто вынужден переселяться и встраиваться в новый уклад и быстро в нем адаптироваться.

А.А. Попов: Да, про это мы разработали «Географию человеческих перспектив».¹¹

Таким образом, у нас получилось шесть причин антропологической революции.

М. Аверков: После выделения причин, или, я бы даже сказал предпосылок и причин, встает вопрос о возможном происхождении самой, я пока буду условно говорить, революции. Почему условно? Если брать как прототип революции, известные из истории, как социально-политические, так и технологические, в них всегда существовал некоторый баланс между проектом и стихийностью, и всегда ставился вопрос об инициаторах и о движущих силах. Исходя из этого, возникает вопрос: кто из субъектов социокультурного поля сейчас объективно заинтересован в антропологической революции? Кто наиболее близок к осознанию этого своего интереса?

⁶ См., напр.: Маркс К. Тезисы о Фейербахе. // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения, т. 2. — М., Издательство политической литературы, 1985.; Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения, т. 2. — М., Издательство политической литературы, 1985, и др. тексты.

⁷ Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта. (Funky Business: Talent Makes Capital Dance.) Серия: Книги Стокгольмской школы экономики в Санкт-Петербурге. — СПб: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005.

⁸ Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 1-3. — М.: Праксис, 2003-2006.

⁹ Ленин В. И. Очередные задачи советской власти. // ПСС, 8 изд. Т.36; Ленин В. И. О продовольственном налоге. // ПСС, 8 изд. Т. 43.

¹⁰ Иллич И. Освобождение от школ; Пропорциональность и современный мир (фрагменты из работ разных лет). М.: Просвещение, 2007.

¹¹ География человеческих перспектив. Образовательные технологии нового поколения. (DVD-диск.) Издательство Стратег.Ru (издательская серия Философия и педагогика самоопределения, вып. 8).

А.А. Попов: Когда мы говорим про антро- пологию, в пределе мы говорим, я сейчас немного метафорически скажу, про новые формы счастья. Помните, у Марка Захарова был фильм «Формула любви»?¹²

Что такое новая формула счастья и формула любви?

С одной стороны, в логике массового употребления можно говорить про некоторые формы удовлетворения, причем опыт анализа показывает, что общество потребления для России, скорее всего, не та форма массового удовлетворения, которая может реально создать переживания счастья. Второй момент связан с тем, что результатом антропологической революции должны быть новые средства самоорганизации и некоторые новые ценности самооценки, оценки своей успешности, прежде всего. И вообще говоря, любая революция посвящена смене ценностей (это может объединять социальную и антропологическую революции). Поэтому, когда мы говорим про антропологическую революцию, мы делаем акцент на новый мир, скорее на антропологические аспекты нового мира, которые есть предмет формулы счастья.

Я понимаю, что это метафорично, но, во-первых, мы находимся на первых шагах наших размышлений, а, во-вторых, в процессе нашей дискуссии мы можем начинать проявлять это хотя бы на системе образования.

С.В. Ермаков: Если говорить о реальных субъектах, нечто похожее начало проскакивать сейчас во властной риторике, во всяком случае, в верхних слоях власти (тексты Дмитрия Медведева, Владислава Суркова)¹³. По крайней мере, на уровне осознания дефицита и поиска «мэтров, к которым можно прислониться». Вопрос, насколько эта риторика соответствует реальным интенциям, но примечателен, по крайней мере, сам факт, что риторика сменилась, вместо риторики либеральных ценностей времен Ельцина и риторики реванша первой половины десятилетия появляется какая-то новая риторика.

В целом же в России непонятно, кто есть субъекты развития, кроме, с одной стороны, некоторых представителей государства, удерживающих риторику ценностей развития, и, с другой стороны, некоторого круга, условно говоря, «сумасшедших», совершающих прорывы в мышлении, в поисковых культурных практиках. Карту этих поисковых практик вне образования нам, по-моему, еще только предстоит начать составлять. Я что-то в этом месте понимаю про некоторые формы маргинального искусства, больше пока ни про что не понимаю.

М. Аверков: Кого вы имеете в виду под маргинальными практиками или «сумасшедшими»?

С.В. Ермаков: Да, вот мы сумасшедшие, проводим интенсивные школы и считаем их проведение своим долгом на уровне жизненного самоопределения. А некоторые сумасшедшие песни пишут для узких кругов (например, Олег Медведев, группа «Мельница», Инна Желанная).¹⁴ И я сильно сомневаюсь, что кого-то из этих авторов в ближайшее время покажут по телевизору...

М. Аверков: Что касается круга поклонников, то я бы не сказал, что он узкий у Олега Медведева и «Мельницы», просто там другие средства распространения: Интернет, сетевые сообщества и так далее.

¹² Формула любви. Художественный фильм. Режиссер: Марк Захаров. В ролях: Александр Абдулов, Леонид Броневой, Семен Фарада, Татьяна Пельтцер, Александр Михайлов, Нодар Мгалоблишвили, Александра Захарова, Елена Аминова, Скоробогатов Николай, Елена Валюшкина. 1984.

¹³ Сурков В. Русская политическая культура. Взгляд из утопии. // www.russian-news.info/1/4/22/

¹⁴ Олег Вячеславович Медведев (1966 г. р.) — российский автор — исполнитель собственных песен, сочетающих в себе романтическую тематику и настрой (образы дальних странствий, преодоления трудностей, в том числе внутриличностных, борьбы с несправедливостью и рутинной, стремления к высоким целям) с экзистенциальной рефлексией, социальную критику — с лирическим мировосприятием. Наиболее известный автор творческой студии «Полнолуние». Начиная с 2000 года концерты Олега Медведева прошли более, чем в 30 городах России, Украины и Беларуси, включая многократное участие в программе конвента фантастики и ролевых игр «Зиланткон» и Зимнего Грушинского фестиваля. Студийные альбомы: «Таблетки от счастья» (1998), «Зелёная дверь» (2000), «Алые крылья» (2001), «Кайнозой» (2004), «Поезд на Сурхарбан» (2007).

Музыкальная группа «Мельница» образована в 1999 г. Эстетическая концепция группы основана на традиции песен, которые создаются в российском сообществе ролевых игр и исторической реконструкции, соответственно, на глубокой культурной и психологической переинтерпретации творчества средневековых менестрелей и разных жанров песенного фольклора России, Ирландии, Скандинавии, Германии, а также творчества более поздних поэтов-романтиков и неоромантиков. Эта концепция предполагает сложные акустические музыкальные аранжировки, высокую степень аутентичности текстов фольклорной и средневековой традиции, и т.п. В группе несколько авторов текстов и музыки; наиболее знаковый — солистка Наталья О'Шэй (Хелависа). Основные альбомы: «Дорога сна» (2002), «Перевал» (2005), «Зов крови» (2006).

Инна Желанная — представитель «этнического» направления в отечественной музыке, исполнитель песен из русского фольклора и собственных песен, стилизованных под русскую этническую музыкальную традицию. Выступает совместно с группой «Far Lander» и другими музыкальными коллективами «этнического направления».

А.А. Попов: Понятно, что по телевизору показывают Ф. Киркорова и Д. Билана.¹⁵ Согласен также, что власть начинает принимать для себя какую-то новую современную позицию. Но я бы не совсем согласился с тем, что говорит Семен Вячеславович, когда он говорит про сумасшедшие (давайте, все же, заменим это слово словом маргинальные) практики. Когда мы обнаруживаем, что все самое интересное состоит из них, я скажу, это уже не маргинальные практики, это общественные практики. Не надо все оценивать по первому TV каналу, пусть все это будет на совести Константина Эрнста,¹⁶ не надо оценивать по приятию или неприятию власти и её риторики.

Было бы неплохо, как уже сказал Семен, составить некоторую карту и перепись с культурологической точки зрения тех антропологических начинаний, которые существуют в стране. Заметьте, если мы хорошо ориентируемся в сфере образования и педагогики, то еще есть ряд других сфер, которые надо посмотреть, и я бы их все же не называл маргинальными, а называл общественными – началом интеллектуального класса. И вообще говоря, нормальное управление должно использовать нарождающуюся общественную энергетику, а общество во многом действует быстрее, ярче, содержательнее, чем формальное принятие решений.

Это вполне очевидно, и так и должно быть, это, конечно же, надо использовать. Поэтому, формула счастья, которую мы обсуждаем, она и может быть связана с новым миром, который начинает выстраиваться, условно говоря, между рок-н-роллом и российской философией. Она выстраивается именно здесь, потому что вряд ли она сможет выстроиться в онтологии власти. Не будем сейчас про власть, у нее свои задачи, вряд ли у них есть задача построить ментальное счастье.

С.В. Ермаков: У власти, по крайней мере, есть задача (как я объясняю себе происхождение этой новой риторики) не допустить антропологической катастрофы на территории страны, иначе она просто, независимо от личной позиции её представителей, автоматически перестает быть властью.

А.А. Попов: Да, но, чтобы не допустить антропологическую катастрофу, власть, конечно же, должна заниматься гуманитарными стратегиями, потому что безопасность в стране это не только экономическая и военная безопасность, во многом это ментальная безопасность. И те вопросы, которые мы сейчас поднимаем как внутри общественные, они во многом могут быть реально политическими. Где тот центр, вокруг которого может начинаться происходить построение новой антропологической формулы?

С.В. Ермаков: Есть некоторая историческая аналогия, из которой дальше мы можем выстраивать гипотезу о возможных субъектах.

При всем моем странном отношении к большевизму, как идеологии, очень интересно, что они сделали технологически в семнадцатом году. Все хором говорили Ленину, что не Европа у нас, пролетариат слабенький, его мало, он сосредоточен в очень локальных точках, в общем, ничего не получится. Он сделал ряд ходов, достаточно известных по учебникам, в результате чего массы крестьян стали скорее за большевиков. Причем массы крестьян не разбирались ни в тонкостях марксизма, ни даже в эмпирически наблюдаемой тогда в Москве и Петрограде концентрации производства, они знали, что есть где-то города и где-то по-другому. И у них был большой вопрос — вопрос о земле.¹⁷

По этой аналогии наша задача, как теоретиков и аналитиков, выделить те группы, которые возможны, которые могут действовать в этой ситуации. А для этого вначале надо все же выделить объект антропологической революции. Также как для большевиков ключевым был вопрос о собственности, а из этого уже вытекал вопрос о власти, был объект, теоретически прописанный на доске.

М. Аверков: Я бы здесь добавил: объект, вектор и задачу его развития, а также способ действия, адекватный и для объекта, и для задачи, и для вектора. При составлении карты общественных образований, в которых кристаллизуется новая антропология, нам не обойтись без критерия, по которому одно образование войдет в перечень, а другое нет. Школьные «волонтерские» движения, организованные «сверху», скорее всего, не войдут в перечень, а по поводу общины Виссариона могут возникнуть споры.¹⁸ Вот для того, чтобы случился такой критерий, в самом деле, необходимо определять объект

¹⁵ Филипп Бедросович Киркоров (1967 г. р.) — популярный российский певец 1990 гг., яркий представитель поп-музыки, рассчитанной на массового слушателя и невзыскательный вкус. В 2000-е годы несколько отошёл на второй план, но сохранил за собой статус «звезды».

Дмитрий Билан («Дима Билан») (1981 г. р.) — популярный российский певец второй половины 2000 гг., представитель поп-музыки; его творчество считается очень типичным образцом современной российской поп-музыки и продукта массовой музыкальной индустрии. Победитель музыкального конкурса «Евровидение-2008».

¹⁶ Эрнст Константин (1961 г. р.) — к. биол. н., видный представитель российского телевизионного бизнеса и коммерческого продюсирования в 1990-2000 гг. С 1995 года — генеральный продюсер ЗАО ОРТВ. С 1999 года — генеральный директор телекомпании ОРТ (с 2002 года — «Первый канал»).

¹⁷ См. об этом, напр.: Плимак Е. Г. Политика переходного периода. Опыт Ленина. — М., 2004.

¹⁸ Виссарион (Тороп Сергей Анатольевич, 1961 г. р.) — основатель одной из известнейших в современной России сект, Церкви Последнего Завета (основана в 1991 г., зарегистрирована под таким названием в 1996 г.). Виссарион объявляет себя Христом, вторично пришедшим в мир во плоти. Учение Виссариона основано на идее ду-

преобразования, вектор и предполагаемую организованность, в которой объект с наибольшей вероятностью преобразуется.

А.А. Попов: Полагание объекта — вопрос онтологический, а хотелось бы сделать шаг еще до конструирования онтологии. Как только мы антропологический вопрос начинаем рассматривать онтологически — во всяком случае, в онтологии классической рациональности, в онтологии научного предмета — мы начинаем его редуцировать. Как писал Мамардашвили, как только мы пытаемся определить предмет «человек», ответить на вопрос, в чем предметность человеческого, мы это человеческое сразу начинаем терять.¹⁹ Соответственно, необходимо искать другой способ мышления, находящийся не в этой эпистемологической системе, которая действительно работает в дихотомиях объект–субъект, предмет–объект, деятельность–предмет. Благодаря таким научным правильным подходам мы можем нечто выяснить.

Я сейчас перечислю, какие у нас были попытки до этого.

1. Попытка, связанная с педагогикой самоопределения и работы в эту сторону.²⁰
2. Попытка работы с понятием человеческий потенциал, как с веером человеческих возможностей (понятие возможностей противопоставлялось понятию способностей).²¹
3. Одна из последних попыток — введение понятия *практического мышления* в отличие от теоретического мышления; попытка, — которая делается и сейчас, — разворачивания современного понимания о практик, как пространств, в которых «человеческое» как раз и существует. Иначе говоря, предпринимается попытка введения понятия «практики» через антропологический фокус, в противоположность фокусу предметному. Одновременно мы столкнулись, и попытались показать это, с тем, что практика с понятийной современной точки зрения почти не существует, потому что в них нет человеческого.²²
4. Одновременно в логике управления сейчас производится мощная практическая попытка реализации концепта открытого образования.

И мне кажется, что все эти наши проходы крайне продуктивные. Во-первых, все это мы сделали за пятнадцать лет, за эти годы мы расчистили «взлетную площадку» и, главное, поняли, что в известной логике научного предмета здесь прорыва не дождешься, нужны другие способы мышления, которые сами по себе являются предметом антропологической революции. Эти способы очень близки к тому, что мы называем *практическим мышлением*,²³ они необходимы для осуществления некоторого экспериментального действия и близки к такому тонкому понятию, как *проба*.²⁴ Все это начинает оформляться не как научно-исследовательский институт, а движется в некотором таком институте общего поля понимания, которое должно перерасти в пространство жизнедеятельности и практики. Пока так метафорично я вижу движение этой линии.

С.В. Ермаков: Я бы еще добавил, кроме логики науки это все стоит противопоставить нашим начинаниям логике больших управленческих проектов, как они понимаются весь XX век, как, например, общегосударственный проект ликвидации безграмотности или как проект индустриализации в СССР, как

ховного самосовершенствования и приближения к божеству как к сущности мироздания; условием такого самосовершенствования является максимальная простота быта, общинная организация между людьми, ежедневный бескорыстный труд, и т.д. Община Церкви Последнего Завета базируется в труднодоступной местности в одном из южных районов Красноярского края; её поселение называется «Городом Солнца». Вход туда открыт любым людям. Целенаправленной миссионерской деятельности «воссарионовцы» практически не ведут. В их среде много людей искусства (художники, музыканты, и т.д.).

¹⁹ См., например: Мамардашвили М. К. Проблема человека в истории. В сборнике: О человеческом в человеке. М., 1991.

²⁰ Группа, работавшая над этой тематикой, издала серию сборников: Педагогика самоопределения и проблемный поиск свободы. Томск, 1997; Педагогика самоопределения и гуманитарные практики. Барнаул: АКИПКРО, 1999; Введение в педагогику самоопределения. Томск, 2001. Поколенческий дискурс в практиках самоопределения. Томск, 2002.

²¹ В этом подходе была разработана программа развития системы дополнительного образования в Красноярском крае «Поколение XXI: развитие человеческого потенциала», см. сборник «Открытая модель дополнительного образования региона», Красноярск, 2004.

²² Попов А.А. Практическое мышление как основание современного юношеского образования. — <http://www.circleplus.ru/content/summa/25>; Попов А.А. Образовательное пространство: социология и технология конструирования. — <http://www.circleplus.ru/content/summa/23>

²³ См.: Бурдые П. Практический смысл. Пер. с франц. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко. Под общ. ред. и с послесл. Н. А. Шматко. — СПб.; М.: Алетей; Институт экспериментальной социологии, 2001.

²⁴ Эльконин Б. Д. Педагогика развития: пробное действие как основа образования. — http://www.experiment.lv/rus/biblio/vestnik_11/v11_elkonin.htm; Эльконин Б. Д. Продуктивное действие как единица развития. // Педагогика развития: возрастная динамика и ступени образования. Часть 1. — Красноярск, 1997.

большие американские проекты калибра Манхэттенского проекта.²⁵ Это — проекты, вовлекающие огромные количества людей и трансформирующие человеческий материал: большевики явно ставили антропологические задачи, но подходили к делу инженерно, то есть в логике предсказуемых последовательностей действий, предсказуемых эффектов.

Так вот принципиально важно еще добавить, что мы движемся *не инженерно*. Не в том смысле, что не строим схемы и модели «на бумаге», а в том, что все эти схемы и модели — *пробные*. Строим версию действия с гипотезой или веером гипотез о результате, делаем шаг, понимаем, что реализовалось, строим следующую версию; при том, если держится стратегическая рамка, мы знаем, что будем считать результатом, а что в принципе не будем считать результатом. Но мы не можем ни научно описать последовательность процессов, достигающих результат, ни инженерно его спроектировать так, чтоб потом технология существовала где-то мимо нас. Не можем не потому, что не хватает системы понятий, а потому, что иначе исчезает сам горизонт *самоопределения* и *пробы*, того, что наш человек должен заведомо сделать *сам*, без чего теряется весь смысл и пафос.

С другой стороны, в этом содержится и опасность, с которой мы сталкиваемся в региональной программе «Поколение XXI».²⁶ У кого-то случается инсайт, он выстраивает в своём предметном материале образовательную задачу, и появляется сильная программа, а кто-то из всех сил пытается воспроизвести элементы схемы, но ничего содержательного не выходит. И это проблема, над которой мы ломаем голову на всех последних семинарах по управлению программой.

М. Аверков: Из того, что говорится, у меня складывается некоторая метафора. Метафоричность принципиальна, поскольку на нынешнем этапе проработки темы сугубо в рациональных понятиях суть дела явно не схватить. Прежде, говоря об объекте и предмете рассмотрения, педагогика выступала из позиции ремесленника, у которого есть материал и есть представления о том, куда приложить резец и с какой силой на него надавить. Сейчас же, говоря про преобразование чего-то — уже заведомо не хочу говорить про материал — мы имеем дело с процессом вроде танца или вроде многоступенчатой химической реакции, когда воздействие условного субъекта на условный объект если и происходит, то в самом начале, а дальше запускается цепочка.

С. В. Ермаков: Про это у Александра Анатольевича ещё в кандидатской диссертации была интересная дихотомия.²⁷ Во-первых, он вводил понятие контр-субъекта: если учитель — субъект заведомо, по всем общепринятым представлениям, то ученики, будучи субъектами по психологическому понятию, могут и не быть субъектами в действительности: не факт, что они ставят цели и задачи и вообще понимают, что происходит. Вот это непонятное положение и помечается понятием контр-субъекта. Дальше, анализируя типы образовательных ситуаций, мы понимаем, что есть класс ситуаций, где этот контр-субъект ведет себя как объект, а есть класс ситуаций, в которых он (ученик или коллектив) — другой субъект (и тогда субъект-объектные действия становятся по принципу невозможны).

Можно ещё вспомнить одно любопытное рассуждение Сартра, фрагмент «Любовь и управление» в одном из его трактатов, практически про то же самое.²⁸ Вроде бы любовь — заведомо отношения субъект-субъектные, но рационально воспитанный европеец, в случае Сартра рационально-воспитанный француз, постоянно пытается начать управлять, перевести партнера в объектную позицию. А дальше — про то, что отношения в любви — это такая чехарда взаимных переходов и взаимной беготни по субъектным и объектным позициям.

А что происходит в наших образовательных программах? Мы приходим к молодым людям, которые оказались нашими учениками, и говорим: вы — субъекты. Вот формат взаимодействия, вот тема, вот как мы понимаем тему — а вот пространство ваших возможных действий. Дальше же происходит естественная стратификация: кто-то начинает строить встречное действие как субъект, а кто-то говорит: «да нет, мы объекты» и, не попав в знакомую форму, начинает выпадать из процесса.

²⁵ Манхэттенский проект — знаменитый научно-инженерный проект по созданию атомной бомбы, реализовывавшийся американским правительством в годы второй мировой войны с целью опередить нацистскую Германию в деле создания «сверх-оружия» и, как известно, завершившийся успехом к концу войны. Проект требовал одновременно серьезного продвижения в области фундаментальной науки, превращения этих достижений в ресурс для конкретных инженерных разработок, производства этих разработок и реализации их на практике, притом все эти разнородные и последовательные процессы должны были произойти в предельно сжатое время. Проект потребовал серьезной мобилизации экономических и организационных ресурсов США, а также внедрения гибких форм управления научно-инженерной деятельностью.

²⁶ Открытая модель дополнительного образования региона. / Науч. ред. А. А. Попов, И. Д. Проскуровская. — Красноярск, 2004.; <http://www.pokolenie21.ru>

²⁷ Попов А. А. Социально-философские основания системной модели педагогической деятельности. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук. — Бийск, Бийский государственный педагогический университет, 1999.

²⁸ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. — М.: Терра — Книжный клуб; Республика, 2002.

А.А. Попов: По всей видимости, открытое образование сегодня является практикой антропологической революции. Теперь уже в нашей дискуссии пора в этом признаться. И я бы поддержал Семёна, когда он про Сартра вспоминал, о том, что в некотором смысле экзистенциальное противостоит онтологическому. Об этом очень чётко говорил О. И. Генисаретский в своём интервью, опубликованном в последнем номере методологического и игротехнического альманаха «Кентавр».²⁹ Противостоит в том смысле, что если онтологическое пытается ответить на вопрос, что есть в этом мире действительно, независимо от чьего-либо самоопределения. И онтологический тип мышления в антропопрактиках действительно приводит к идее управления, потому что согласно онтологическому полаганию мы знаем к какой звезде нам двигаться. А экзистенциальное мышление в некотором смысле создает поля, создает пространство, потому что мы должны лишь предоставить возможность. В открытом образовании мы никогда не можем и не должны отвечать на вопрос финала, и это, конечно, есть революционный переворот размышлений в образовании, которое сегодня насквозь «коррупцировано» современной цивилизацией (то есть современная цивилизация использует образование для оправдания целей своего существования).

Про это хорошо писал Г. Копылов в статье «Честная работа»³⁰: есть большой сговор в масштабах страны и даже цивилизации о том, что дети должны идти в первый класс, потом люди должны ходить в ВУЗ, иначе их потом не возьмут на работу...

Совсем иначе выстроен подход открытого образования, как и вообще экзистенциальная логика размышления о человеке — экзистенциальная не обязательно в смысле французской традиции, экзистенциальная логика «проснулась» во многом еще и в русской религиозной философии. Мы в этой логике и должны «нащупать» свое место существования. Может быть, я скажу амбициозно, но это есть российский вариант цивилизационного ответа на вопрос подготовки человека в современном мире. И в этом смысле шаг наш не должен быть маргинальным, если его рассматривать в такой рамке, как рамка российского ответа... Кстати, хочу сделать анонс: про это в 2009 году у нас с Семеном Вячеславовичем появится книга, которая, с нашей точки зрения, должна обозначить и оформить новое содержательное полагание, основы для новой концепции (и, в дальнейшем, исследовательской программы) в сфере философии образования и размышлений о человеке.

Итак, еще раз: открытое образование является практикой антропологической революции, на противопоставлении онтологического и экзистенциального подходов к размышлению о человеке. И в этом смысле мы понимаем, что двигаться надо в подготовке человека не столько в логике управления и нормирования (инженерный подход — предельный случай нормативного), сколько выстраивая сферы и пространства, в которых остаётся место для самоопределения.

М. Аверков: Но практика открытого образования, точнее даже, те социально-культурные условия, в которых она разворачивается в современной России, ставит по этому поводу следующий вопрос. Мы с одним моим другом и коллегой, который, как и я, реализует образовательную программу в сфере культуры и медиа-деятельности, только не про кино, а про журналистику, недавно, анализируя ситуации молодых людей, как-то продвигающихся в наших программах, поняли: впору уже писать методические пособия по открытому образованию, где точно будет следующий абзац. «К третьему дню вашей школы ваши ученики предложат вам серию коротких фильмов либо журналистских материалов на темы «Суицид», «Наркомания», «Несчастливая любовь», «Беспорядки», ещё одна-две. И всё. Ничего сущностного, никаких проблем онтологического характера, в том числе, развёрнутых через личные переживания и размышления о личной жизненной стратегии, абсолютное большинство молодых людей не интересуется, как сюжеты, а следовательно, и как основание для собственного самоопределения и пробы в деятельности. А указанные темы (перечень примерный, но очень показательный и расхожий) — они не от самих молодых людей, они от учителей и вузовских преподавателей, от средств массовой информации, и т.д., но при этом школьники убеждены, что темы для них почему-либо значимы.

И поэтому, на мой взгляд, требует серьёзного продумывания предположение о том, что возможно качественное изменение исходных интенций, исходной восприимчивости вот этих подростков, юношей и даже более старших людей, если выстраивать по отношению к ним экзистенциальную логику. Не трансформируются ли и не выхолощаются ли выстроенные нами поля за счет того, что антропологический материал, который эти поля наполнит, будет старым и плоть от плоти старой сущности?

С.В. Ермаков: Как раз старый антропологический материал по каким-то параметрам был более сложно, что ли, организован.

М. Аверков: Я имею в виду не старый, классический, скорее, наличный.

С.В. Ермаков: По моей версии и по моему опыту, вопрос во многом технологический: через какого рода поля втягивать, через какого рода буферные зоны? Конечно, есть случай патологический, со-

²⁹ Горизонты методологии (беседа с О. И. Генисаретским Ю. Б. Грязновой). // Методологический и игротехнический альманах «Кентавр», выпуск 40 (2007 г.), редакция: Ю. Грязнова, В. Марача, Д. Реут.

³⁰ Копылов Г. Честная работа. // От 15-ти и старше: Новое поколение образовательных технологий. — М., 2006. (Издательская серия «Философия и педагогика самоопределения», вып. 7).

шлюсь на известный текст — повесть «Гадкие лебеди» братьев Стругацких:³¹ когда мокрецы уведут за собою всех детей, с моей точки зрения, это — такая фантастика. А в одном из более поздних сюжетов Стругацких, «Волны гасят ветер»³², есть такая конструкция: появится меньшинство, которое отличит себя по неизвестному нам признаку от большинства, и это отличившее себя меньшинство необратимо обгонит большинство. Насчет необратимости, считаю, тут всё тот же пафос фантастического сюжета о сверхчеловеке, но, вообще говоря, в истории, как известно, прорывы делались не многими.

Вопрос скорее в условиях втягивания, потому что люди втягиваются совершенно неожиданно, невозможно предсказать. И это принципиально тот самый экзистенциальный момент, невозможно предсказать, кто из вошедших и попробовавших втянется и сделает шаг дальше, кто так и останется со своими стереотипами, а кто скажет, что это все не про него. Ни по социальному статусу, ни по культурному цензу, ни по уровню доходов, ни по месту проживания, абсолютно невозможно предсказать.

М. Аверков: Для уточнения ситуации я сошлюсь на нашего коллегу Александра Силаева.³³ У него есть предположения, что люди втягиваются по критерию наличия у них хотя бы минимальной и бедной системы ценностей.

Одна из версий того, в какую сторону продолжать нашу дискуссию, это определение, на какую из категорий, описывающих открытое образование, преимущественно должна «крепиться» новая норма антропологии. Либо эта норма удерживается за счет практик, в которые включаются ученики определённого возраста; либо она удерживается за счет неких действий, трансформирующих ценностную систему конкретных людей; либо за счет знаков и символов причастности, либо еще за счет чего-то. И дальше, определив, где преимущественно норма, как эта норма устроена внутри себя, разбираться с этим.

А. А. Попов: Еще норма очень часто возникает благодаря некоторому разлому, диспропорции, этот разлом очень ярко описан братьями Стругацкими как диспропорция между нарождающимся новым миром и старой социальной структурой, основанной на идее подчинения и принуждения. Это социальный разлом, но есть еще культурно-исторический, связанный с тем, что та индустриальная социальная организация, которая существовала, перестает существовать. Появляется новая норма организации, самоорганизации, отношения к человеку. И есть еще несколько вызовов. Один из базовых вызовов заключается в том, станет ли Россия автором нового типа антропологической организации, либо мы сейчас заимствуем некоторые клише общества потребления и сделаем утрированный убогий вариант этой схемы. Америка ведь «экспортирует» не только демократию, но еще и образ жизни, называется он общество потребления. Это тоже для нас вопрос важный вопрос, хотя он звучит странно, если хотите, это вопрос о геокультурном позиционировании. В этом смысле у открытого образования, с моей точки зрения, очень большая геокультурная миссия, заметьте, только так (в такого типа пространствах и полях) можно что-то вырастить. Не думаю, что можно быстро вырастить конкурентоспособного человека благодаря тому, что мы сделаем очередную реформу образования. Нормативную реформу, наконец, мы можем и сделаем, но дело в том, что новой практики не появится. А открытое образование позволяет втягивать содержание различных реальностей...

С. В. Ермаков: Я бы ещё добавил — моделировать практики, которые еще отсутствуют. Как, например, для Красноярского края киношкола, школа философии — проекты, цели которых заведомо выходят за пределы образования. Очень интересен прецедент региональной аналитики в Школе гуманитарного образования³⁴. Практики, реально отсутствующие на территориях, могут быть смоделированы внутри образовательного поля, а уже дальше человек может определиться. Он может решить, что эти практики не про него, но тогда всё равно остаётся некоторый антропологический результат; он может решить, что это — про него, и тогда он едет в те места, где эти практики развиты. А может определиться как субъект разворачивания этих практик на территории. Ход может показаться маргинальным, но за ним — мощные исторические прецеденты, как, например, возникновение науки из «незримого колле-

³¹ Стругацкие А. Н. и Б. Н. Гадкие лебеди. Серия: «Золотой фонд мировой классики». — М.: АСТ, АСТ МОСКВА, ХРАНИТЕЛЬ, 2007; художественный фильм «Гадкие лебеди», реж. К. Лопушанский, производство: киностудия «Proline — film»(Россия), «СДР» (Франция), 2007 (DVD-диск)

³² Стругацкие А. Н. и Б. Н. Волны гасят ветер. // Стругацкие А. Н. и Б. Н. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 10. — СПб, «Текст», 1995.

³³ Писатель, политический обозреватель, социальный философ. До 2007 года придерживался неомарксистского подхода и методологии, при этом рассматривал с этих позиций преимущественно феномены социальных структур, массового сознания, паттерны поведения представителей различных социальных групп, и т.д. С конца 2007 г. перешёл на элитаристские позиции и активно разрабатывает проблемы воспроизводства культуры, идеальных оснований управления, и т.д. Является заинтересованным участником ряда программ открытого образования в Красноярском крае. Литературные произведения его издаются в Москве отдельными сборниками; социально-философская публицистика — преимущественно в красноярской периодике. Основные публицистические материалы размещены на сайтах www.newslab.ru, www.vecherka.ru.

³⁴ Прецедент и его социокультурные последствия подробно описаны участниками в сборнике: Введение в педагогику самоопределения. Томск, 2001.

джа», разбросанного по всей Европе. Кстати, прецедент с очень четко прописанными, прежде всего у Декарта, антропологическими основаниями.³⁵

М. Аверков: Я бы хотел для четкости понимания сделать здесь некоторую остановку. Неоднократно произносятся понятия «новый мир» и «новая реальность», при этом их параметров названо не так много. Один из них: это то, что данная реальность описывается скорее не онтологически, а экзистенциально, или, по крайней мере, включает в себя некоторое соотношение и противоречие *сущности* и *существования*. Есть ли еще какие-то параметры? Или хотя бы как указанный параметр проецируется на новую антропологическую и социальную общность, о которой идет речь и за счет которой Россия может «прорваться»?

А.А. Попов: Я про онтологическое и экзистенциальное добавил бы. Я в некотором смысле и за, и против онтологического мышления. Я против онтологии как источника некой авторитарности, в плане того: а в какой рамке вы самоопределяетесь? Я против такой постановки вопроса в современном мире. И в этом смысле эта средневековый взгляд на онтологию для современного мира не есть прорывной подход. Но я за онтологию как за источник понятий, как за жизнь в понятийно заданном мире, осмысленном пространстве. В этом смысле экзистенциальное в качестве пространственного, сферного подхода тоже вполне себе онтологично.

И тот антропологический переход, который мы обсуждаем, для меня это что-то между третьей и четвертой антропологической революцией. Первый подход: натуралистический подход, человек есть это... Второй антропологический подход связан с мета-представлениями о человеке, связанным с деятельностным подходом, с включением человека в системы деятельности. И третий подход: сферный или полевой, где человек есть некоторая возможность, оформление. А вот мы находимся где-то на грани четвертого подхода, где человек — источник нового поля, источник некоторых программ (хотя это все можно редуцировать до креативного менеджмента). Человек, который определяет некоторое поле реальности, реализуемости через шаг действительности. Если так относится к человеческому, если в человеке видеть это человеческое, то ценности человеческого существования начинают меняться. А про параметры я пока не могу говорить жестко.

С.В. Ермаков: Определение этих параметров получается в любом случае апофатическим. Но, по крайней мере, один из параметров: некоторая специфическая рефлексивность, то, что, может быть не вполне удачно, некоторые психологические школы называют способностью к самоперепрограммированию. Одновременно — некоторое очень специфическое переживание — трансценденции здесь и сейчас, наличие здесь и сейчас, в данный момент и в данной точке действительности основания для изменения структуры поля объектов, изменения прагматики, ответа на вопрос о пользе.

М. Аверков: Я думаю, такого приближения к описанию реальности на данном этапе достаточно. А если вести коммуникацию дальше, то все таки хочется вернуться к вопросу об устройстве той самой нормы новой антропологии, которая должна лечь в основу революции. Если не работает субъект-объектное и объект-предметное противопоставление, а оно на самом деле не работает, то точно так же нормирование в старом представлении не может работать. Стало быть, структура нормы должна быть иной.

А. А. Попов: Я согласен, что сама схема нормирования здесь терпит существенные изменения. Если говорить конкретно об открытом образовании, которым мы занимаемся, для нас есть пять ключевых понятий: образовательная программа, образовательная задача, образовательное событие, образовательная инфраструктура, образовательное пространство. И эти понятия, с нашей точки зрения, начинают задавать новую норму. Образовательная задача в нашей логике — это не учебная задача, образовательное событие — это не мероприятие, образовательное пространство это не образовательная среда, образовательная инфраструктура будет иная, нежели корпуса, классы, столовые и прочие помещения. Мы задали новую онтологию образования, так можно обсуждать норму открытого образования, через перечисленный понятийный ряд. Я не против онтологии, как уже говорил, но я за понятийную онтологию...

С. В. Ермаков: Это — открытая онтология. В том смысле, что само открыто само понятие события, и я сюда бы еще добавил понятие открытого действия, как отдельный фактор. Открытое действие внутри образовательного события и внутри образовательной задачи; из всех этих пунктов действие — это про образующегося. И сама логика открытого действия, образовательной задачи и образовательного пространства, как поля ловушек и переходов подразумевает, что внутри онтологии содержится рефлексивный принцип. А здесь пока не случится, мы ничего не знаем.

А. А. Попов: Заметьте, та норма, которую сейчас Семен Вячеславович обсуждает, уже не является маргинальной, она признана тысячами людей, для нашей ситуации это не так уж мало. И тот путь, который мы обсуждаем, займет примерно десять лет. Это зависит не только от нашей энергетики, но и от общей ситуации страны, и даже общемировой ситуации. Через десять лет совсем будет ясно, что традиционно нормированная образовательная система крайне не продуктивна. Возникнет огромный дефицит

³⁵ Декарт Р. Рассуждение о методе. // Декарт Р. Сочинения. В 2 т. Т. 1. — М., Мысль, 1989.; Мамардашвили М. К. Картезианские размышления. — М., Прогресс, 1993.

(он уже и сейчас существует, только люди это не понимают так, как я это сейчас проговариваю) в новых альтернативных образовательных моделях. О них и сегодня говорят, но я очень спокойно отношусь к этим монологам про новые образовательные модели, потому что они создаются и проектируются на основе старого проектного мышления и на основе старого нормирования. И так нельзя! А у нас есть определенный фундамент для этого движения, понятно, что нужно делать: за эти десять лет должна возникнуть некоторая ядерная группа, которая будет обсуждать понятийный ряд организации открытого образования...

С.В. Ермаков: Скорее всего, не столько обсуждать в теоретическом дискурсе, сколько втягивать в этот дискурс разные прецеденты, строить новые прецеденты, модифицировать их для того, чтобы в некотором смысле это было само собой разумеющееся.

А.А. Попов: да, через десять лет то, о чем мы сейчас говорим, должно быть очевидно, но и массово не опошлено, чтобы еще осталась аналитика. Знаете, как часто говорят: «Ну зачем это обсуждать, мы же это обсуждали в 93-м году?!» Я всегда в этом случае отвечаю: ну не сделали же! Наша задача — не обсудить, а подготовиться. Перейти, например, от идеологии корпоративности к некоторой другой массовой ценности. Причем заметьте, я все это обсуждаю не в фетишистских формах массовизации, капитализации, онтологизации, я это обсуждаю, как создание веера практик. Вот, некоторый горизонт, сценарий уже есть. На Западе, кстати, в такого рода работах заинтересованы.

С.В. Ермаков: Мне случалось слышать от своих знакомых и коллег, уехавших за океан, что образованная часть русской диаспоры, ученые, программисты, у которых начинают подрастать дети, страшно тоскуют по некоторой непошлой русской культурной среде. Есть определенная тоска не столько по русскому языку, сколько по некоторому типу культурной среды, потому что им просто становится грустно, когда их дети становятся юными американцами и канадцами.

А. А. Попов: Да, это очень сложный феномен на русскоязычной прослойке населения, как в странах СНГ, так и в Европе, и, поверьте мне, на сегодняшний день это серьезный для нас вопрос маркетинга и менеджмента. Поэтому у новой волны открытого образования есть не просто перспективность, а перспективность, связанная с теми проблемами, которые сейчас будут наступать в мире.

М. Аверков: В финале у меня есть два сюжета. Первый касательно произнесенного тезиса о появлении новых норм на разломе. Вопрос от способах обустройства этого разлома, потому что разлом он есть явочным порядком, но сам по себе норму он еще не несет. И здесь, мне кажется, мы, задавая вопрос об обустройстве, выходим за пределы собственно образования и педагогики, как бы ее не понимать. И выходим в более широкую сферу гуманитарных технологий. Так, чтобы разлом нес в себе норму.

С.В. Ермаков: У меня есть версия, но она жестокая. Если это будет произнесено в среде профессиональных работников образования, меня обязательно кто-нибудь спросит: за что ж так над детьми издеваться? С одной стороны, тезис о разрыве не является совершенно новым; во всяком случае, в системе развивающего обучения Д. Б. Эльконина — В. В. Давыдова³⁶ исходной тоже является ситуация разрыва; но этот разрыв — либо в практическом действии, либо в моделях, он происходит не с человеком. А антропологический разрыв может переживаться здесь и сейчас. В конце концов, где любой человек юношеского возраста может переживать антропологический разрыв? Эта ситуация многократно в литературе описана, в кинематографе. В несчастной любви. Если он не совсем отморозок, и ему важно еще что-то кроме простых движений, то антропологический разрыв появится: я себя считаю таким, а она меня совсем другим или вообще ни во что не ставит. Но ведь жизнь полна других, менее заметных, может быть, антропологических разрывов такого рода. Несостоявшийся статус, предательство, муки творчества, наконец. Это мелко, может быть, с точки зрения глобальных перспектив цивилизации и России. Но человек, оказавшись в них, переживает это как свою предельную ситуацию (стихи пишет, вешается от любви, еще что-нибудь).

М. Аверков: Если мы говорим про упоминавшийся разрыв между новым способом обозначения целостности вот этим экзистенциально-онтологическим и неадекватными уже ему способами и институтами оформления...

С.В. Ермаков: А это — предельная рамка. Может быть, мы когда-то, напрягшись, сможем выстроить иерархию разрывов, хотя я против. Я из развивающего обучения фактически ушел с тех пор, как диссертацию написал, и я против некоторых принятых в теории развивающего обучения подходов ко всяким иерархиям, уровням, ступеням. Ту же вот в чем «фишка»: в экзистенциальной логике мучается

³⁶ Инновационная образовательная система, сформировавшаяся в Советском Союзе в 1960-1970 гг. и основанная на ряде ключевых положений культурно-исторической теории в психологии, в частности, на положении о преодолении разрыва между новыми значимыми для ученика реалиями, лежащими в зоне его *ближайшего* развития, и зоной его актуального развития, как о ключевом условии и одновременно механизме акта развития (отсюда — тезис о том, что «обучение влечёт за собой развитие», а не «обучение следует за развитием»). Основывалась на принципиальной смене оснований преподавания базовых школьных предметов, а следовательно, на смене способа и конкретных методик их преподавания. Система названа по именам своих основных разработчиков, известных советских психологов Д. Б. Эльконина и В. В. Давыдова.

ли человек оттого, что девушка мимо него проходит и не здороваются или он за судьбу России все-речь мучается, ситуации в каком-то смысле рядоположены. Особенность же современной ситуации состоит в том, что мы сейчас, говоря метафорически, имеем дело с поколением, которое переживает антропологический разрыв под наркозом. Поколение, растущее в ситуации конкретного антропологического разрыва, потери перспектив, потери оснований, о которых мы вначале говорили. Их убеждают, что это нормально, так и надо. Продолжая метафору, можно сказать, что нам не нужно выстраивать разрывы искусственно, нужно снимать наркоз.

А. А. Попов: С одной стороны, мне очень понравилась метафора про поколение, живущее под наркозом, с другой стороны, надо понимать, что серьезные антропологические и образовательные практики всегда возникают на общецивилизационном переходе.³⁷

С. В. Ермаков: Да, только в России, как всегда, общецивилизационный переход накладывается на страновой, связанный со сменой формаций и идеологии, и региональный, связанный с особенностями местных укладов.

А. А. Попов: Мне кажется, что те амбиции (в хорошем смысле), а лучше те стремления, которые у нас сейчас есть, вполне соответствуют этому переходному этапу.

М. Аверков: Если серьезно, мы обрисовали контур, более или менее обрисовали поле возможного. Если теперь соотносить это обрисованное поле возможного и реальные феномены открытого образования, то можно ли прикинуть, что выстроено институционально и сущностно, а что еще предстоит выстраивать?

С. В. Ермаков: Понятна, по крайней мере одна единица современного открытого образования — образовательный модуль; схема выстроена, можно спроектировать такой модуль по поставленной задаче. Выстроена схема образовательной программы как серии таких единиц, примерно ясно, как обустроить инфраструктуру модуля, инфраструктуру программы. Не понятны логические шаги того, как удерживать поле открытого образования именно как поле, представленное школьнику во всем многообразии, а не как отдельные программы. Абсолютно не ясно позиционирование относительно существующих антропологических политик и проектов, которые конкурируют на «теле» современного молодого человека (не относительно системы официального образования, тут все понятно). И что мне, как философу, совсем не ясно, так это то, как вернуть обратно, в массовое сознание если не саму трансценденцию, то хотя бы ощущение дефицита в этом месте. Раньше люди хотя бы знали, что даже если они грешники, то вон там стоит церковь, там за них, грешников, молятся.

М. Аверков: Еще вот что. Говорим про социализацию и социализированные формы и версии открытого образования. При этом признаем, что оно есть антропологическая революция, оно входит в противоречия с существующим порядком вещей. В языке диалектики здесь уместно говорить не про отмену существующего порядка вещей в антропологической и институциональной сфере, а про снятие. Как это снятие возможно? Возможно ли мыслить антропологическую революцию как снятие наличного антропологического типа и антропологической ситуации некоторой новой?

С. В. Ермаков: Я стараюсь избегать слова «социализация» в своих текстах...

А. А. Попов: Я тоже, так как возникает вопрос: где, в каком обществе социализация? Нет такой единой общности, какой был советский народ. Прорыв должен заключаться в нашем самоопределении в оформлении собственной культурной позиции и выстраивании прецедентов наших отдельных прорывов. Та структура общества, которая складывается, настолько многополярна, что мы можем найти необходимые страды, социальные структуры, отношения.

Если мы действительно нащупаем «формулу счастья», формулу антропологического перехода, то мы найдем разумную энергетику со стороны.

³⁷Об общецивилизационном переходе см., напр.: Бестужев-Лада И.В. Альтернативная цивилизация. — М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 1998; Белл Д. Новое постиндустриальное общество. — М., 1999; Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. Перевод с немецкого В. Седелника и Н.Федоровой. — М.: «Прогресс-Традиция», 2000; Стерлинг Б. Будущее уже началось: Что ждёт каждого из нас в XXI веке?. — Екатеринбург, «У-Фактория», 2005.